

СЛУСИНГОВЫЕ КОНСТРУКЦИИ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Е. В. Моргунова

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва
morgunova.kate@gmail.com

Аннотация. В статье описываются слусинговые конструкции в бурятском языке. Было рассмотрено два подхода к анализу слусинговых конструкций в языках wh-in-situ: клефтовый и фокусный. В работе приводятся аргументы в пользу того, что вышеупомянутые подходы неприменимы к материалу бурятского языка. В силу этого выдвигается альтернативная гипотеза, согласно которой вопросительные слова в бурятских слусинговых конструкциях перемещаются на левую периферию клаузы с помощью скрэмблинга — передвижения, которое типично для бурятских вопросительных слов.

Ключевые слова: эллипсис, слусинг, скрэмблинг, бурятский язык.

Sluicing constructions in Buryat

E. V. Morgunova

Lomonosov Moscow State University, Moscow
morgunova.kate@gmail.com

Abstract. This article deals with sluicing constructions in Buryat. It presents some basic data on this phenomenon to conclude

¹ Материалы были получены в ходе полевой работы летом 2017 г. в с. Барагхан Баргузинского р-на Республики Бурятия. Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-012-00627а «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах». Автор выражает благодарность Е. А. Лютиковой за ценные замечания к первоначальному варианту статьи. Редакторы сборника и автор статьи также хотели бы выразить признательность М. Ю. Князеву и внешнему рецензенту за комментарии и дополнения к предложенному анализу.

that sluicing in Buryat is in many aspects similar to that in English: it exhibits connectivity effects and is insensitive to island effects. On the other hand, Buryat sluicing does not obey the COMP-generalization, which distinguishes it from sluicing constructions in other languages. The paper considers two approaches to analyzing sluicing-like constructions, suggested earlier for *wh-in-situ* languages: cleft analysis and focus analysis. Arguments are provided for non-applicability of these approaches to Buryat material. Cleft analysis is rejected, because neither cleft, nor pseudo-cleft constructions in Buryat can host some foci elements (multiple remnants and adverb remnants) available in sluicing. Focus analysis is rejected on the grounds that it seems to be incompatible with Buryat syntax in general, because in this language foci generally cannot move to the left periphery and occupy position before the verb. An alternative hypothesis is put forward instead. It is proposed that *wh*-words in Buryat sluicing constructions move to the left periphery of the clause via scrambling. One argument is that Buryat also has sluicing constructions with non-interrogative words (the so-called ‘stripping in embedded clauses’). To account for the optional appearance of the complementizer *gɔʒɔ* alongside with the remnant, we say that a *wh*-word can move to the specifier of the complementizer projection or to the specifier of a higher CP, with *gɔʒɔ* deleted in the latter case. The paper introduces new typologically relevant data on sluicing in *wh-in-situ* languages.

Keywords: ellipsis, sluicing, scrambling, Buryat language.

1. Введение

Эта статья посвящена описанию и анализу одного из видов эллипсиса клаузы в баргузинском диалекте бурятского языка — слусингу.

Слусинг — это эллипсис (удаление на фонологическом уровне) всего косвенного вопроса, за исключением вопросительного слова (которое также называется слусом) [Merchant 2001]:

(1) *Кто-то уже написал статью, но я точно не знаю, кто.*

Слусинг является одним из распространенных видов эллипсиса и встречается во многих языках мира. Однако в современных исследованиях предполагается, что в разных языках за

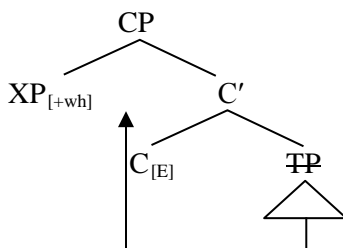
схожей внешней формой слусинга могут скрываться структуры разного типа (см., например, [Merchant, Simpson (eds.) 2012]). Типологическое изучение данного вопроса позволяет нам выявить общие черты слусинга и эллипсиса в целом.

Наиболее признанным анализом слусинга является анализ, представленный в [Merchant 2001] и основанный на данных языков с передвижением вопросительного слова (*wh*-movement). Согласно Джейсону Мерчанту, вопросительное слово претерпевает передвижение в *Spec,CP* с помощью *wh*-передвижения, в то время как оставшаяся часть клаузы эллидируется. Удаление, в свою очередь, лицензируется признаком [E], располагающимся на вершине *C*.

Рис. 1. Деривация слусинговых конструкций согласно [Merchant 2001]

Fig. 1. Sluicing derivation according to [Merchant 2001]

(2)

Если мы считаем, что вопросительное слово в подобных конструкциях способно передвигаться только с помощью *wh*-передвижения, то следовало бы ожидать, что в языках *wh*-in-situ — языках, где вопросительное слово озвучивается в той позиции, в которой оно порождается в структуре, — такой вид эллипсиса не встречался бы. Однако это не так: слусинг засвидетельствован в японском, китайском, турецком, хинди, фарси и других языках *wh*-in-situ (см. краткий обзор литературы о слусинге в языках *wh*-in-situ в [Gribanova, Manetta 2016]).

Во многих работах утверждается, что в языках *wh*-in-situ слусинговые конструкции, несмотря на внешнее сходство со слусингом в других языках, на самом деле образуются с помощью альтернативных способов.

Одной из наиболее распространенных гипотез является «клефтовый» анализ, предлагаемый, в частности, для китайского и японского [Merchant 1998; Adams 2004]. Суть этого анализа

заключается в том, что слусинговые конструкции признаются усеченной клефтовой конструкцией.

Другие авторы предполагают, что вопросительное слово в языках *wh-in-situ* все же перемещается на левую периферию клаузы, но с помощью иного типа передвижения — фокусного (см. подобный анализ персидского в [Тоосарвандани 2008] и турецкого в [Ince 2009; 2012]).

В то же время ряд исследователей допускают, что слусинговые конструкции в некоторых языках *wh-in-situ* представляют собой случаи «подлинного слусинга» (*genuine sluicing*), т. е. образуются с помощью того же механизма, что и слусинг в языках с обязательным передвижением вопросительного слова [Takahashi 1994; Gribanova, Manneta 2016].

В этой статье мы рассмотрим слусинговые конструкции в бурятском языке, который считается языком *wh-in-situ* [Татевосов и др. (ред.), в печати], и предложим анализ, совместимый с бурятскими данными.

Изложение построено следующим образом. В разделе 2 приводятся необходимые сведения о вопросительных предложениях в бурятском. В разделе 3 обсуждаются свойства слусинговых конструкций в бурятском языке. В разделе 4 приводятся аргументы против клефтового и фокусного анализов применительно к данным бурятского языка. Раздел 5 посвящен альтернативной гипотезе об образовании слусинговых конструкций в бурятском. Наконец, в разделе 6 подводятся итоги обсуждения и ставятся вопросы для дальнейшего исследования.

2. Вопросительные предложения в бурятском языке²

В этом разделе мы представим базовые сведения о предложениях-вопросах в бурятском языке, необходимые для дальнейшего описания слусинговых конструкций. Вначале мы обратимся к структуре общего и косвенного общего вопросов. Затем мы перейдем к частным вопросам и опишем возможные передвижения

² В этом разделе используются данные, собранные А. П. Евстигнеевой в ходе полевой работы в с. Барагхан Баргузинского р-на Республики Бурятия и представленные в [Татевосов и др. (ред.), в печати]. Все ошибки и неточности остаются на совести автора данной статьи.

вопросительных слов, эффекты превосходства, а также структуру косвенных частных вопросов.

Общие вопросы образуются с помощью частицы $g(u)$ ³:

- (3) *fī* *samolst* *xara-na=gu-f?*
ты самолет видеть-PRS=Q2-2SG
‘Ты видишь самолет?’

При этом в предложениях с глагольным предикатом частица присоединяется только к глаголу вне зависимости от того, с какими составляющими ассоциируется фокус вопроса, и не может оформлять одновременно глагол и другую составляющую.

- (4a) *dugar* *ustər=(*gu)* *энэ* *nom* *unf-a:?*
Дугар вчера=Q2 этот книга читать-PST1
‘Дугар вчера ли читал эту книгу?’

- (4б) *dugar=(*gu)* *ustər* *энэ* *nom* *unf-a:?*
Дугар=Q2 вчера этот книга читать-PST1
‘Дугар ли вчера читал эту книгу?’

- (4в) *dugar=(*gu)* *ustər=(*gu)* *энэ* *nom*
Дугар=Q2 вчера=Q2 этот книга
unf-a:=gu?
читать-PST1=Q2

1. ‘Дугар вчера ли читал эту книгу?’

2. ‘Дугар ли вчера читал эту книгу?’

Частица $g(u)$ также может присоединяться к неглагольному предикату:

- (5) *n'utag* *so:* *bol'nitsa* *bi:* *gu?*
село в больница есть Q2
‘В селе есть больница?’

Косвенные общие вопросы также образуются с помощью частицы gu . При этом эта частица, как и в случае простых общих вопросов, может присоединяться только к предикату:

³ Варианты g и gu распределены следующим образом: если частица присоединяется к глагольной форме, заканчивающейся на гласный, то употребляется вариант g ; если же она присоединяется к словоформе на согласный, употребляется вариант gu .

- (6а) **dugar=gh* энэ *zurag* *zura:*
 Дугар=Q2 этот картина рисовать
gəʒe badma xura-ba
 СОМР Бадма спрашивать-PST2
 Ожид.: ‘Бадма спросил, Дугар ли нарисовал эту картину’.
- (6б) *dugar* энэ *zurag* *zura:=g*
 Дугар этот картина рисовать=Q2
gəʒə badma xura-ba
 СОМР Бадма спрашивать-PST2
 ‘Бадма спросил, Дугар ли нарисовал эту картину’.
- (7а) **dugar tənə:dər=gh* эрх-и: *gəʒə*
 Дугар сегодня=Q2 приезжать СОМР
badma hura-ba
 Бадма спрашивать-PST2
 Ожид.: ‘Бадма спросил, сегодня ли Дугар приезжает’.
- (7б) *dugar tənə:dər* эрх-и:=g *gəʒə*
 Дугар сегодня приезжать=Q2 СОМР
badma hura-ba
 Бадма спрашивать-PST2
 ‘Бадма спросил, сегодня ли Дугар приезжает’.

Перейдем к структуре частных вопросов в бурятском языке.
 Частный вопрос образуется с помощью частицы *b(ə)*^{4,5}:

- (8) *xən fuləg* *bəʃə-n-bə*
 кто стихотворение сочинять-PRS-Q1
 ‘Кто сочиняет стихи?’

⁴ Существует три алломорфа частицы частного вопроса: *b*, *ob* и *bə*. Первый используется, если частица присоединяется к глагольной форме, заканчивающейся на гласную. Второй вариант употребляется при присоединении к глагольной форме на согласную. Последний вариант чаще всего используется при именных предикатах.

⁵ В сочетании с различными частицами вопросительная частица *b(ə)* используется для образования неопределенных местоимений: *ju-b-da*: ‘что-то’, *ju-ʃə-b* ‘что-то’.

Как и частица общего вопроса, в предложениях с глагольным предикатом частица *b(ə)* может присоединяться только к глаголу:

(9а) **jamar-ab mafina bair ab-a:?*
 какой-Q1 машина Баир покупать-PST1
 Ожид.: ‘Какую машину Баир купил?’

(9б) **jamar mafina-b bair ab-a:?*
 какой машина-Q1 Баир покупать-PST1
 Ожид.: ‘Какую машину Баир купил?’

Также эта частица может образовывать вопросы при неглагольной предикации:

(10а) *ajaga xa:na bə?*
 чашка где Q1
 ‘Где чашка?’

(10б) *badma-da ju:n bi:-b?*
 Бадма-ДАТ что есть-Q1
 ‘Что есть у Бадмы?’

Как мы уже отметили выше, бурятский является языком *wh-in-situ*, т. е. по крайней мере на поверхностном уровне репрезентации вопросительное слово не претерпевает передвижения на левую периферию клаузы. Однако вопросительные слова могут также свободно передвигаться в любые другие позиции в клаузе, кроме постглагольной (11), т. е. бурятский язык можно считать языком со скрэмблингом вопросительных слов. Подобное явление засвидетельствовано и в других языках *wh-in-situ*, например, в хинди [Kidwai 2000] и в японском [Takahashi 1993].

(11) (*xəŋ*) *ustər dal də:rə (xəŋ) uralnai*
 кто вчера чердак на кто старый
*nom (xəŋ) ol-o:-b (*xəŋ)?*
 книга.ACC кто находить-PST1-Q1 кто
 ‘Кто вчера нашел на чердаке старую книгу?’

На левую периферию также возможно (но не обязательно) передвижение нескольких вопросительных слов:

- (12) *xэн* (*ju:*) *sajana-da* *turə-hэн*
кто что Саяна-DAT родиться-PFCT
udsr-tə-nⁱ (*ju:*) *bəlgəgl-ə:-b*
день-DAT-POSS что подарить-PST1-Q1
‘Кто что подарил Саяне на день рождения?’

Вопросительные слова также могут сочиняться союзом *ba* ‘и’.

- (13) *sajana-da* *turə-hэн* *udsr-tə-nⁱ*
Саяна-DAT родиться-PFCT день-DAT-POSS
xэн *ba* *ju:* *bəlgəgl-ə:-b*
кто и что дарить-PST1-Q1
‘Кто и что подарил Саяне на день рождения?’

Вопросительное слово может выдвигаться и за пределы синтаксических актантов (14) и некоторых типов синтаксических адьюнктов (15)⁶, которые, согласно [Ross 1967], традиционно считаются сильными островными конструкциями, т. е. такими структурами, из которых запрещен вынос каких-либо составляющих.

- (14) *xэн* *ustər* *sajana xarju:* *olo-bo*
кто вчера Саяна ответ.ACC находить-PST2
gəgə *xəlgə-bə-b?*
COMP говорить-PST2-Q1
‘Вчера Саяна сказала, что кто нашел ответ?’

- (15) *ju:* *ojuna* *usəgəldər* *bair-ai*
что Оюна вчера Баир-ACC
bəlgəgl-ə:-gui=xada *url-a:-b?*
дарить-PST1-NEG=COND злиться-PST1-Q1
‘Оюна разозлилась, потому что Баир ей что вчера не подарил?’

Отметим, что ограничения на выдвижение вопросительных слов из синтаксических актантов и адьюнктов, а также из сочиненных конструкций и относительных клауз практически совпадают с ограничениями на передвижения обычных именных групп из этих конструкций.

⁶ Более подробное описание ограничений на вынос вопросительных слов и простых именных групп из зависимых клауз и других конструкций в бурятском языке приводится в [Татевосов и др. (ред.), в печати].

В бурятском языке действуют эффекты превосходства, которые касаются лишь слов *хэн* и *жу:* в номинативе и аккумулятиве соответственно.

- (16) *sajana-da turə-hən udər-tə-nⁱ*
 Саяна-DAT родиться-PFCT день-DAT-POSS
*хэн жу: / *жу: хэн бэлэгл-э:-b?*
 кто что что кто дарить-PST1=Q1
 ‘Кто что подарил Саяне на день рождения?’

Если эти вопросительные слова стоят в других падежах, эффекты превосходства не наблюдаются.

- (17) *жу:n хэн-эйэ gomodxo:-go:-b?*
 что.NOM кто-ACC расстраивать-PST1-Q1
 ‘Что кого расстроило?’

Косвенные частные вопросы обычно образуются с помощью частицы *b(ə)*, которая опционально присоединяется к предикату зависимой клаузы с комплементаризером *gəzə*.

- (18) *хэн эр-э:(-b) gəzə bi mədənə-guj-b*
 кто приезжать-PST1-Q1 COMP я знать-NEG-1
 ‘Я не знаю, кто приехал’.

3. Слусинговые конструкции в бурятском

В бурятском языке существуют конструкции, которые по своим свойствам во многом похожи на типичный слусинг.

- (19) *dugar хэн-də-b=da: bəfəg əl'gə:-gə:*
 Дугар кто-DAT=Q1=PTCL письмо.ACC слать-PST1
хариin хэн-də mədə-nə-gui-b
 но кто-DAT знать-PRS-NEG-1
 ‘Дугар послал кому-то письмо, но я не знаю кому’.

Чаще всего подобные конструкции используются в косвенных вопросах, однако они также могут употребляться и в главной клаузе:

- (20) А: *masa жу:-b=da: ду:l-a:*
 Маша что-Q1=PTCL петь-PST1

В: *ju:?*
что

‘А: Маша что-то пела. В: Что (она пела)?’

Вопросительное слово в слусинговых конструкциях может быть любым членом предложения:

- Подлежащее

(21) *xən-da: buxi: konfeta əd-əjə*
кто-PTCL весь конфета.ACC есть-PST1
b'i xən mədə-nə-gui-b
я кто.NOM знать-PRS-NEG-1
‘Кто-то съел все конфеты, но я не знаю кто’.

- Прямое дополнение

(22) *əži: ju=fjə-b ab-a:*
мама что=FC-Q1 покупать-PST1
xar'in ju mədə-nə-gui-b
но что знать-PRS-NEG-1
‘Мама что-то купила, но я не знаю что’.

- Непрямое дополнение

(23) *dugar xən-də-b=da: bəfəg əljgə:-gə:*
Дугар кто-DAT-Q1=PTCL письмо.ACC слать-PST1
xar'in xən-də mədə-nə-gui-b
но кто-DAT знать-PRS-NEG-1
‘Дугар послал кому-то письмо, но я не знаю кому’.

- Обстоятельство

(24) *dugar xəzə:-b=da: pariž so:*
Дугар когда=Q1=PTCL Париж в
bai-ga:-n ba xəzə hana-na-gui-b
быть-PST1-3SG и когда помнить-PRS-NEG-1
‘Дугар когда-то был в Париже, но я не помню когда’.

Вопросительное слово должно иметь тот же падеж, что и соотносящееся с ним неопределенное местоимение, которое выступает его антецедентом:

(25) *badma xən-də=fjə-b bələg*
Бадма кто-DAT=FC-Q1 подарок.ACC

ug-ø: *təjəd* *bī* *məḍə-nə-gui-b*
 давать-PST1 но я знать-PRS-NEG-1
xəṇ-də / ****xəṇ*** / ****xəṇ-ə:r***
 кто-DAT кто.NOM кто-INSTR
 ‘Бадма подарил подарок, но я не знаю кому’.

В случае, если антецедентом слуса является послеложная группа, то послелог должен сохраняться при вопросительном слове в слусинговой конструкции:

(26) *ustər* *dugar* *nam-da* ***nəgə*** ***xun***
 вчера Дугар я-DAT какой-то человек
tuxai *honi:n-əi* *xə:r-ø:* *xar'in*
 о новость-ACC рассказывать-PST1 но
xəṇ ****(tuxai)*** *mart-a:-d* *bai-na-m*
 кто о забывать-PST1-CONV быть-PRS-1
 ‘Вчера мне Дугар рассказал новость про какого-то человека, но я уже забыл про кого’.

Из этого требования также вытекает тот факт, что клауза-антецедент и зависимая клауза не могут различаться между собой по залогу:

(27a) *velos'ipəd* *xulu:-gda-han* *bai-ga:*
 велосипед воровать-PASS-PFCT быть-PST1
xar'in *bīidə* *məḍə-nə-gui-b-dī*
 но мы знать-PRS-NEG-1-PL
xəṇ-ə:r / ****xəṇ***
 кто-INSTR кто
 ‘Велосипед был украден, но мы не знаем кем’.

(27б) *xəṇ=b=da:* *velos'ipəd*
 кто=Q=PTCL велосипед.ACC
xula:-ga: *xar'in* *bīidə*
 воровать-PST1 но мы
məḍə-nə-gui-b-dī ***xəṇ*** / ****xəṇ-ə:r***
 знать-PRS-NEG-1-PL кто кто-INSTR
 ‘Кто-то украл велосипед, но мы не знаем кто’.

В бурятском языке допустимо использование подвида слусинга — спраутинг. При спраутинге в клаузе-антецеденте нет

выраженного коррелята вопросительного слова из косвенного вопроса:

- (28) *эзи:* *unf-a:* *хар'ин би*
 мама читать-PST1 но я
ju: *тэдэ-нэ-гүи-б*
 что знать-PRS-NEG-1
 'Мама читала, но я не знаю что'.

В слусинговых конструкциях возможно употребление нескольких вопросительных слов одновременно. При этом в подобных конструкциях баргузинского диалекта бурятского наблюдаются те же эффекты превосходства, что и в вопросительных предложениях. Как и в вопросах, эти эффекты касаются лишь местоимений *хэн* 'кто' и *ju:* 'что' (29). В других случаях большинство носителей допускает вариативность порядка следования местоимений (30)–(32).

- (29) *хэн=да:* *ju:-b=да:* *ду:1-а:*
 кто=PTCL что-Q1=PTCL петь-PST1
хар'ин би хэн ю: / **ju:* *хэн*
 но я кто что что кто
oilg-o:-гүи-б
 разбирать-PST1-NEG-1
 'Кто-то что-то пел, но я не понял, кто и что'.

- (30) *sajana хэн-дэ-б=да:* *ju:-b=да:*
 Саяна кто-DAT-Q1=PTCL что-Q1=PTCL
бэслэ-э: *хар'ин би хана-на-гүи-б*
 дарить-PST1 но я знать-PRS-NEG-1
хэн-дэ ю: / ***ju:*** ***хэн-дэ***
 кто-DAT что что кто-DAT
 'Саяна кому-то что-то подарила, но я не знаю, кому что'.

- (31) *sajana ju:-b=да:* *unf-a:*
 Саяна что-Q1=PTCL читать-PST1
хар'ин би хана-на-гүи-б
 но я помнить-PST-NEG-1
ju: ***хэзэ:*** / ***хэзэ:*** ***ju:***
 что когда когда что
 'Саяна читала что-то, но я не помню, что и когда'.

- (32) *sajana xəzə:-b=da: xa:na=ʃʃə ba:ʙgai*
 Саяна когда-Q1=PTCL где=FC медведь.ACC
xar-a: tʃʃəd hana-na-gui-b
 видеть-PST1 но помнить-PRS-NEG-1
хэзэ: ха:на / ха:на хэзэ:
 когда где где когда
 ‘Саяна когда-то где-то видела медведя, но уже не помнит,
 где и когда’.

Зависимая эллидируемая клауза может линейно находиться перед главной клаузой, хотя подобные предложения носители редко порождают самостоятельно.

- (33а) *sajana ju:-b=da: du:l-a:*
 Саяна что-Q1=PTCL петь-PST1
xarʃin bi ju: mədə-nə-gui-b
 но я что знать-PRS-NEG-1
 ‘Саяна что-то пела, но я не знаю что’.

- (33б) *bi mədə-nə-gui-b ju:*
 я знать-PRS-NEG-1 что
xarʃin sajana ju:-b=da: du:l-a:
 но Саяна что-Q1=PTCL петь-PST1
 ‘Саяна что-то пела, но я не знаю что’.

В [Merchant 2001] отмечается, что слусинг способен нарушать островные ограничения. Другими словами, вопросительное слово, которое изначально находилось внутри какой-либо островной конструкции, способно выдвигаться за ее пределы при слусинге:

- (34) *They want to hire someone who speaks a Balkan language, but I don't remember which.*

В разделе 2 было показано, что вопросительные слова могут выдвигаться из некоторых типов сентенциальных актантов и адьюнктов. Однако вынос вопросительных местоимений и простых именных групп строго запрещен из одного вида сентенциальных адьюнктов — относительных придаточных предложений (35). Это позволяет называть относительные придаточные в бурятском языке сильными островами.

- (35) **ju:* *bi* *zoixo-dog* *хиби:-tṣi*
 что я сочинять-НАВ мальчик-СОМ
ниxṣṣṣ-dṣg-ṣbi-b?
 дружить-НАВ-Q-1
 Ожид.: ‘Я дружу с мальчиком, который что сочиняет?’

В то же время примеры (36)–(37) показывают, что слусинг в бурятском может нарушать это островное ограничение. Другими словами, бурятские слусинговые конструкции демонстрируют «эффекты починки островов» (island-repair effects), характерные для подлинного слусинга.

- (36) *bi* [*ju-b=da:* *zoixo-dog* *хиби:*]
 я что-Q1=PTCL сочинять-НАВ мальчик.АСС
xara-na-b *xar'in* *bi* *mṣdṣ-nṣ-gni-b* *ju:*
 видеть-PRS-1 но я знать-PRS-NEG-1 что
 ‘Я вижу мальчика, который что-то сочиняет, но я не знаю что (он сочиняет)’.

- (37) *bi* [*xa:gu:r=ṣta:* *udṣr* *bur'i* *zai-dag*
 я куда=PTCL день каждый бродить-НАВ
хиби:] *mṣdṣ-xṣ-b*
 мальчик.АСС знать-POT-1
xar'in *xa:gu:r* *mṣdṣ-nṣ-gni-b*
 но куда знать-PSR-NEG-1
 ‘Я знаю мальчика, который где-то гуляет каждый день, но только не знаю где (он гуляет)’.

В то же время свойства бурятских слусинговых конструкций не полностью соответствуют типологическим обобщениям, приведенным в [Merchant 2001]. Первая особенность бурятского слусинга касается СОМР-обобщения, звучащего следующим образом:

- (38) СОМР-обобщение [Merchant 2001]

В слусинговых конструкциях в той части структуры, которая управляется вершиной CP, но не входит в TP, не может присутствовать никакой материал, кроме непосредственно вопросительного слова.

Это ограничение на первый взгляд кажется неожиданным, если мы предполагаем, что эллипсис удаляет максимальные

проекции (поскольку признак [E], отвечающий за эллипсис, может находиться только на вершинах).

Джейсон Мерчант предполагает, что это обобщение связано не со структурой слусинга, но с его просодией, и предлагает два возможных объяснения. Первое из них аналогично фильтру на множественно заполненный COMP (Multiply-filled-Comp-filter), согласно которому любая составляющая CP, содержащая фонологический выраженный C и фонологический выраженный спецификатор одновременно, становится неграмматичной в силу принципа экономичности. Другая гипотеза заключается в том, что комплементаризер при слусинге клитизируется к составляющей TP и вместе с ней подвергается удалению.

В бурятском языке подобное обобщение не соблюдается. Пример (39) показывает, что комплементаризер *gʒʒʒ* может сохраняться при вопросительном слове⁷.

- (39) *badma dugar tuxaʒ ju:-b=da: du:l-a:*
 Бадма Дугар про что=Q=PTCL слышать-PST1
xarʒin ju: (gʒʒʒ) bi mʌdʒ-nʒ-gui-b
 но что COMP я знать-PRS-NEG-1
 ‘Бадма что-то слышал про Дугара, но я не знаю что’.

⁷ Один из редакторов статьи отмечает, что опциональное присутствие комплементаризера может вытекать из не связанных с эллипсисом фактов бурятского языка. В частности, редактор указывает, что во многих монгольских языках комплементаризер может присутствовать и в других вопросах, например, в вопросах к сентенциальному актанту матричного глагола. Это верно и для бурятского языка, что показывает (i). Однако, как и в слусинговых конструкциях, наличие комплементаризера при вопросительном слове необязательно.

- (i) *tʌrʒ ju: (gʒʒʒ) xʒl-ʒ:-b?*
 тот что COMP говорить-PST1-Q1
 ‘Что он сказал?’

К сожалению, на данный момент мы не можем сказать с уверенностью, связаны ли эти явления между собой. Мы также не знаем, связано ли опциональное появление комплементаризера при вопросительных словах с тем, что он этимологически был образован от глагола ‘говорить’. Насколько нам известно, эти вопросы, связанные с COMP-ограничением, также не поднимались в литературе, касающейся слусинга. Мы оставляем их открытыми.

Джейсон Мерчант предполагает, что комплементаризатор при вопросительном местоимении может появляться в тех языках, где вопросительное слово не перемещается в *Spec,CP*. В таком случае оба просодических объяснения СОМР-обобщения действительно предсказывают подобные случаи. Однако гипотезы Дж. Мерчанта не могут объяснить **опционального** присутствия комплементаризатора по следующим причинам.

Предположим, что верно предположение о действующем фильтре на множественно заполненный СОМР. Так как в бурятском языке вопросительное местоимение не перемещается в *Spec,CP*, то комплементаризатор *gʒʒ* должен быть озвучен всегда, что не согласуется с нашими данными. Можно в таком случае считать, что комплементаризатор имеет две формы — форму *gʒʒ* и нулевой вариант, которые находятся в отношениях свободного варьирования. Против подобной гипотезы говорит то, что большинство носителей считают употребление *gʒʒ* при косвенных вопросах обязательным, т. е. не допускают невыраженного комплементаризатора.

Гипотеза о клитизации комплементаризатора к ТР также сталкивается с некоторыми трудностями. Во-первых, на данный момент неизвестно, может ли *gʒʒ* в бурятском становиться клитикой. Во-вторых, чтобы объяснить опциональное появление комплементаризатора, нужно предположить, что существует две позиции, куда может переместиться вопросительное слово, — *Spec,CP* и *Spec,YP*, где *YP* — некая проекция, располагающаяся ниже проекции *CP*. Комплементаризатор *gʒʒ* озвучивается, когда вопросительное слово перемещается в *Spec,YP*, препятствуя клитизации, и не озвучивается, если вопросительное слово перемещается в *Spec,CP*, т. к. в таком случае *gʒʒ* становится клитикой по отношению к эллидируемой ТР. Однако из такого предположения следует, что сразу две вершины — *C* и *Y* — могут лицензировать признак [E] при слусинге в бурятском. Это противоречит идее Джейсона Мерчанта о том, что только определенные вершины могут лицензировать признак [E], ответственный за какой-либо тип эллипсиса. Другими словами, этот признак не может свободно присоединяться к любым вершинам — в противном случае в языках мира разрешалось бы удаление структур любых размеров, что противоречит эмпирическим данным.

Итак, тот факт, что в бурятском языке нарушается СОМР-ограничение, не может получить обоснования в рамках теории Джейсона Мерчанта. Мы вернемся к этому факту в разделе 5, посвященном альтернативному анализу слусинговых конструкций в бурятском языке.

Другим отличительным свойством слусинга в бурятском является тот факт, что вопросительное слово может занимать разные позиции в клаузе:

(40a) *dugar* *xən-də-b=da:* *bəfəg*
 Дугар кто-DAT-Q1=PTCL письмо.ACC
əʎgə:g-ə: *xarʲin xən-də* *bʲi* *mədə-nə-gui-b*
 слать-PST1 но кто-DAT я знать-PRS-NEG-1
 ‘Дугар кому-то послал письмо, но я не знаю кому’.

(40б) <...> *xarʲin bʲi xən-də* *mədə-nə-gui-b*
 но я кто-DAT знать-PRS-NEG-1
 {Дугар кому-то послал письмо}, ‘но я не знаю кому’.

(40в) <...> *xarʲin bʲi mədə-nə-gui-b* *xən-də*
 но я знать-PRS-NEG-1 кто-DAT
 {Дугар кому-то послал письмо}, ‘но я не знаю кому’.

Это свойство бурятского слусинга может быть обусловлено тем, что зависимая клауза с комплементаризатором *gəzə*, которая является изначальным местом порождения вопросительного слова слусинговой конструкции, может занимать различные позиции в матричной клаузе: она может находиться в непосредственном начале матричной клаузы (41a), после субъекта в предглагольной позиции (41б) или же в постглагольной позиции (41в)⁸.

(41a) [*badma* *эр-э:* **gəzə**] *sajana mədə-nə*
 Бадма приходить-PST1 COMP Саяна знать-PRS
 ‘Саяна знает, что Бадма пришел’.

(41б) *sajana* [*badma* *эр-э:* **gəzə**] *mədə-nə*
 Саяна Бадма приходить-PST1 COMP знать-PRS
 ‘Саяна знает, что Бадма пришел’.

⁸ Примеры Е. В. Деликановой.

- (41в) *sajana mэдэ-нэ* [badma эр-э: **ᠭᠢᠵᠢᠨ**]
 Саяна знать-PRS Бадма приходит-PST1 COMP
 ‘Саяна знает, что Бадма пришел’.

4. Возможные анализы

4.1. Клефтовый анализ

Как мы уже упоминали выше, при клефтовом анализе, предлагаемом для японского и мандаринского китайского, предполагается, что конструкции, подобные слусингу, в этих языках деривируются удалением части клефтовой конструкции. Достоинством данного анализа является то, что при нем вопросительное слово не претерпевает передвижения, нетипичного для языка *wh-in-situ*.

Хотя клефтовый анализ применим к данным одних языков *wh-in-situ*, существуют другие подобные языки, для которых этот анализ не подходит (см., среди прочих, [Toosarvandani 2008] (фарси), [Şener 2013] (турецкий), [Sakamoto 2012] (монгольский)). В этом разделе мы продемонстрируем, что бурятский также относится к числу языков, к которым этот анализ неприменим.

Мы рассмотрим две конструкции, существующие в бурятском языке, — клефт и псевдоклефт.

Клефт — это специфическая разновидность полипредикативных конструкций, в которых главная часть целиком относится к реме, а зависимая клауза — к теме [Тестелец 2001].

Клефтовая конструкция бурятского языка представлена в (42):

- (42) *энэ badma суд-ө: сэбэrlэ-һэн-и-и:н' bai-na*
 это Бадма зуб-REFL чистить-PFCT-3 быть-PRS
 ‘Это был Бадма, который почистил зубы’.

- (43) *badma суд-ө: сэбэrl-э:*
 Бадма зубы чистить-PST1
 ‘Бадма почистил зубы’.

Сравним клефтовую конструкцию с простым предложением, приведенным в примере (43). Как можно видеть, в клефтовой конструкции при подлежащем появляется местоименный эксплитив *энэ* ‘это’ и глагол *байха* ‘быть’, выступающий в качестве идентифицирующей связки. Исходный лексический глагол

вместе с внутренними аргументами преобразуется в причастную зависимую клаузу, которая определяет субъект предложения идентификации. Полученную структуру можно считать предложением идентификации: оно выражает тождество двух именных групп, одна из которых в данном случае является подлежащим, а другая выражена причастным оборотом.

В клефтовой конструкции можно употреблять вопросительные слова; это демонстрирует пример (44).

- (44) *энэ хэн суд-ө: сьбөрлө-хэн-и-н¹ бай-на?*
 это кто зуб-REFL чистить-PFCT-3 быть-PRS
 ‘Это кто чистит зубы?’

Однако существует несколько причин, дающих нам основания утверждать, что в бурятском языке слусинговая конструкция не может быть образована из клефта. Во-первых, в то время как при слусинговых конструкциях возможно сохранение более чем одного слова из эллидируемой структуры (см. примеры (29)–(32)), в клефтовых конструкциях бурятского языка невозможно фокусирование более чем одной составляющей (45).

- (45) **энэ оюна-да ном-у-д тфingис угэ-хэн-и-н¹*
 это Оюна-DAT книга-PL Чингис давать-PFCT-3
 Ожид.: ‘Чингис дал книги Оюне’.

Во-вторых, в клефтовых конструкциях невозможно фокусирование наречия. (Подобное ограничение ожидаемо, если учитывать тот факт, что клефт является предложением идентификации.) Это доказывает, что конструкции типа (24), в которых от эллидированной клаузы остается лишь вопросительное слово, являющееся обстоятельством, не могут быть получены путем удаления части клефта.

- (46) ^{??}*энэ устэр саяна зураг*
 это вчера Саяна картина.ACC
зура-хан-и-н¹ бай-на
 рисовать-PFCT-3 быть-PRS
 Ожид.: ‘Саяна нарисовала картину вчера’.

Как мы уже упоминали выше, в бурятском существует еще один подвид конструкции с глаголом-связкой — псевдоклефт.

Псевдоклефт является частным случаем клефтовой конструкции, при котором зависимая клауза располагается в начале предложения.

- (47) *sajana-da ug9-h9n-i:nⁱ jabloka bai-ba*
 Саяна-DAT давать-PFCT-3 яблоко.ACC быть-PST2
 ‘То, что дали Саяне, было яблоком’.

Эта конструкция также не может быть исходной структурой, из которой образуется слусинг: при псевдоклефте также невозможно фокусировать более одной составляющей одновременно (48) или наречие (49).

- (48) **ʃingis-9i ug9-h9n-i:nⁱ ojuna-da nom-u:d*
 Чингис-ACC давать-PFCT-3 Оюна-DAT книга-PL
 Ожид.: ‘То, что Чингис дал, было Оюне книги’.

- (49) **sajan-i:n zurag zura-han-i:nⁱ*
 Саяна-GEN картина.ACC рисовать-PFCT-3
ust9r bai-ga:
 вчера быть-PST1
 Ожид.: ‘Саяна нарисовала картину вчера’.

Более того, вопросительное слово чаще всего не допускается носителями в подобной конструкции, что подкрепляет несостоятельность данной гипотезы:

- (50) *ʔsajana-da ug9-h9n-inⁱ ju: bai-ba?*
 Саяна-DAT давать-PFCT-3 что быть-PST2
 ‘Что было дано Саяне?’

Все вышеприведенные аргументы указывают на то, что клефтовый анализ не подходит для данных бурятского языка.

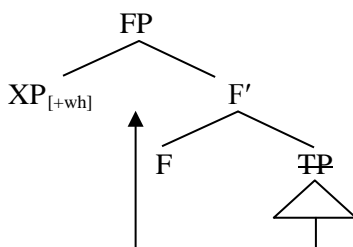
4.2. Фокусный анализ

В работе [Тоосарвандани 2008] для фарси предлагается альтернативный анализ, согласно которому вопросительное слово при слусинге передвигается на левую периферию клаузы не с помощью wh-передвижения, но при помощи фокусного передвижения. Вопросительное слово, таким образом, перемещается в спецификатор вершины F, находящейся выше TP. Деривация слусинговых конструкций в итоге выглядит следующим образом:

Рис. 2. Деривация слусинговых конструкций согласно [Тоосарвандани 2008]

Fig. 2. Sluicing derivation according to [Тоосарвандани 2008]

(51)

Как можно заметить, этот анализ Мазиара Тусарвандани схож с анализом Джейсона Мерчанта, который был представлен выше в (2).

Однако в бурятском языке фокусной позицией считается непосредственно предглагольная [Татевосов и др. (ред.), в печати]:

(52) *mafina* *ABA-MNI* *zaha-na*
 машина.АСС отец-1 чинить-PRS
 {ЛК: — Кто чинит машину?} ‘— Машину чинит МОЙ
 ОТЕЦ’.

Поскольку фокусная составляющая не передвигается на левую периферию клаузы, мы не можем считать, что фокусное передвижение принимает участие в образовании слусинговых конструкций.

5. Альтернативная гипотеза

Учитывая неприменимость обсуждавшихся выше анализов образования слусинговых конструкций к бурятскому материалу, мы выдвигаем альтернативную гипотезу.

В разделе 2 мы показали, что вопросительные слова могут опционально передвигаться в позиции в клаузе, отличные от позиции *wh-in-situ*. Мы склонны предполагать, что перемещения вопросительных слов в вопросах являются случаем скрэмблинга, поскольку они не являются обязательными и идентичны скрэмблинговым передвижениям обычных именных групп, согласно [Татевосов и др. (ред.), в печати].

Наша гипотеза заключается в том, что подобное передвижение принимает участие не только в образовании вопросов, но и в образовании слусинговых конструкций. Это предположение может вызвать некоторые вопросы. Во-первых, почему при образовании слусинговых конструкций используются скрэмблинговые передвижения, которые являются опциональными? Во-вторых, куда в таком случае перемещается вопросительное слово? В Spec,CP, как при слусинге, или же в спецификатор какой-нибудь другой вершины? Ответим на эти вопросы последовательно.

Чтобы объяснить то, что в слусинговых конструкциях скрэмблинг становится обязательным, необходимо принять несколько допущений. Во-первых, предположим, что вопросительное слово при скрэмблинге перемещается в спецификатор некой вершины X, которая обладает признаком [E], отвечающим за эллипсис. Во-вторых, мы полагаем, что вершина X, подобно фокусным вершинам, присутствует в структуре только тогда, когда ее комплементарзер заполнен какой-либо составляющей (см. [Rizzi 1997; Toosarvandani 2008]). Остается открытым вопрос о том, что вынуждает вопросительное слово передвигаться. Мы можем принять предположение Мазиара Тусарвандани [Toosarvandani 2008] о том, что признак [E] сам по себе может быть связан с неинтерпретируемым признаком [*uwh*, EPP]. Учитывая это, можно предположить, что деривация слусинговых конструкций в бурятском языке выглядит следующим образом. В структуре зависимой клаузы присутствует вершина X, которая обладает признаком [E]. Признак [E] выступает в качестве зонда, т. к. обладает неинтерпретируемым признаком [*uwh*], и осуществляет поиск цели с таким признаком в области структурного приоритета вершины X, к которой он принадлежит. В случае, если такая составляющая обнаруживается, признак [*uwh*] получает значение и становится неактивным, а признак [EPP] обеспечивает перемещение найденной цели в Spec, XP. Так как спецификатор вершины X оказывается заполненным, XP сохраняется в структуре предложения. После этого признак [E] эллидирует всю структуру, находящуюся ниже вершины X. В случае, если вопросительного слова нет в структуре, признак [*uwh*] не получает значения и деривация не происходит.

В то же время в бурятском языке возможен эллипсис зависимой клаузы, при котором сохраняется не-вопросительное слово. Такие конструкции в литературе также называются стриппингом в зависимой клаузе.

- (53) *badma dugar-i:jə sajana-da dura-tai*
 Бадма Дугар-АСС Саяна-ДАТ любовь-СОМ
gəʒə xəl-ə: xar'in bi
 СОМ говорить-РСТ1 но я
ɯnəxə:rə: mədə-xə bai-ga:-b
 в.действительности знать-РОТ быть-РСТ1-1
darima-da (gəʒə)
 Дарима-ДАТ СОМ
 ‘Бадма сказал, что Дугар любит Саяну, но я знал, что Дугар на самом деле любит Дариму.’

Из этого может следовать, что передвижение мотивировано не свойством [iwh]. Скорее, оно происходит по тем же причинам, что и все другие скрэмблинговые передвижения. В литературе существует два подхода к тому, что мотивирует скрэмблинговое передвижение. Некоторые исследователи предполагают, что оно также происходит благодаря особому признаку [Σ] [Grewendorf, Sabel 1999; Kawamura 2004]. Другие предполагают, что скрэмблинг происходит в силу других причин — необходимости удовлетворения принципа расширенной проекции (ЕРР) и принципов дискурса [Miyagawa 1997; 2001; Saito 2003; Bailyn 2003; 2007]. Мы склоняемся в пользу последнего подхода (хотя на данный момент мы, к сожалению, не обладаем достаточными сведениями о характеристиках скрэмблинга в бурятском языке), поскольку скрэмблинговое перемещение, которое само по себе является опциональным в языке, при слусинге (т. е. при наличии признака [E] в структуре предложения) становится обязательным. В таком случае мы можем предполагать, что эллипсис также выступает в качестве дискурсивного ограничения на передвижение составляющих.

Учитывая то, что при вопросительном местоимении в слусинговых конструкциях опционально появляется комплементаризер *gəʒə*, мы также предполагаем, что существует две возможные позиции для проекции ХР при слусинге: выше проекции СР или

ниже ее. В случае, если XP находится выше CP, комплементаризер *gəʒə* попадает под эллипсис и не произносится (54). В другом случае *gəʒə* находится выше места эллидирования и остается фонологически выраженным (55).

Рис. 3. Деривация слусинговых конструкций без выраженного комплементаризера, версия 1

Fig. 3. Sluicing derivation without an overt complementizer present, ver. 1

(54)

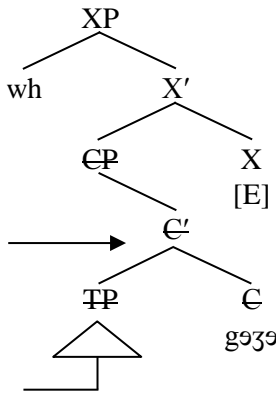
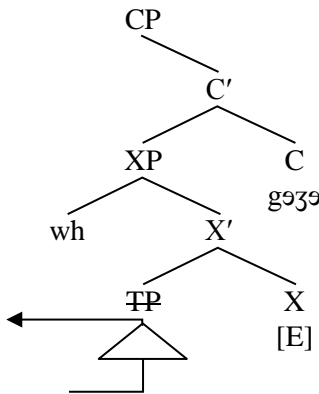

Рис. 4. Деривация слусинговых конструкций с выраженным комплементаризером

Fig. 4. Sluicing derivation with an overt complementizer present

(55)

С точки зрения синтаксиса, однако, представляется странным, что вершина X может находиться выше узла CP⁹. Можно, однако, предположить, что вершина X является еще одной вершиной C. В таком случае деривация слусинговых конструкций с опущенным комплементаризером будет выглядеть как (56), а деривация слусинга с сохраняемым комплементаризером — как в (57).

Рис. 5. Деривация слусинговых конструкций без выраженного комплементаризера, финальная версия

Fig. 5. Sluicing derivation without an overt complementizer present, final version (56)

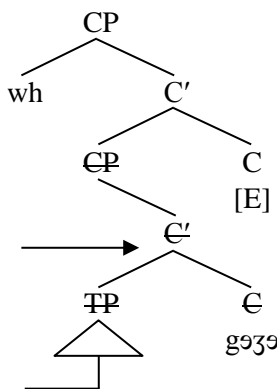
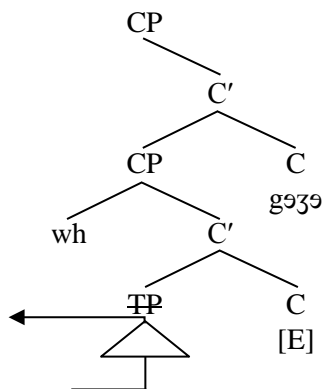

Рис. 6. Деривация слусинговых конструкций с выраженным комплементаризером, финальная версия

Fig. 6. Sluicing derivation with an overt complementizer present, final version (57)

⁹ Мы благодарим редакторов статьи за это замечание.

О том, что в бурятском языке существует несколько вершин *C* сразу, мы можем говорить на основании анализа аккумулятивных подлежащих финитных зависимых клауз, предложенного в [Bondarenko 2017]. Согласно выдвигаемой там гипотезе, аккумулятивные подлежащие передвигаются в спецификатор нижней проекции *CP* (см. аргументы в пользу этого в указанной выше работе).

Этот анализ, схожий со стандартным анализом Джейсона Мерчанта допущением о порождении вопросительного слова внутри полноценной зависимой клаузы, подтверждает наше предположение о том, почему *v* может занимать разные позиции в клаузе. Так как мы предполагаем, что вопросительное слово изначально порождается в зависимой клаузе с *gʷʷʷ*, пример (41) действительно объясняет предложения (40).

Наш анализ схож с фокусным анализом слусинговых конструкций, о котором мы вели речь в разделе 4.2, и в целом с анализом Джейсона Мерчанта. Он отличается лишь видом передвижения, а также вершиной, лицензирующей признак [E]: в [Merchant 2001] предполагается, что этой вершиной является *C*, в [Toosarvandani 2008] утверждается, что это вершина *F*. В бурятском языке признак [E] лицензируется на гипотетической вершине *X (C)*.

В заключение этого раздела отметим, какие вопросы в нашем исследовании остаются открытыми. Главный вопрос к нашему анализу, пожалуй, заключается в следующем. Если вершина *X* действительно является еще одной вершиной *C*, то непонятно, является ли лицензором эллипсиса одна и та же вершина *C*, или же обе вершины *C* могут обладать признаком [E]. Первый вариант предполагает, что одновременно несколько вершин могут выступать лицензором одного и того же вида эллипсиса. Ранее в работе [van Craenenbroeck 2012] высказывалось предположение, что в разных языках слусинг может лицензировать как высокий, так и низкий комплементаризер. Однако на данный момент мы не знаем, можно ли утверждать, что оба комплементаризера способны выступать в качестве лицензора *TP*-эллипсиса, и существуют ли дополнительные эмпирические доказательства этого. В случае, если верна вторая гипотеза, мы вынуждены постулировать, что существует некая проекция *C*P*, которая является единственным доступным лицензором *TP*-эллипсиса и способна занимать раз-

личные позиции в иерархии функциональных вершин. Такое предположение явно противоречит идее о строгом порядке функциональных вершин [Rizzi 1997; Cinque 1999]. Хотя мы склоняемся в пользу первого предположения, необходимо дальнейшее исследование данного вопроса.

Кроме этого, остается неизвестным, образуются ли в бурятском языке с помощью скрэмблинга и другие виды клаузного эллипсиса, такие как стриппинг и фрагментные ответы.

6. Заключение

Кратко подведем итоги. Мы установили, что в бурятском языке существуют слусинговые конструкции, которые во многом похожи на слусинг в английском, несмотря на то, что бурятский является языком *wh-in-situ*. В то же время слусинг в бурятском имеет несколько отличительных черт, обусловленных структурой языка.

Далее мы рассмотрели несколько представленных в литературе вариантов анализа слусинга для языков *wh-in-situ* и привели аргументы, доказывающие их неприменимость к данным бурятского языка. В частности, мы показали, что в основе слусинга в бурятском не могут лежать клефтовые конструкции, а также что вопросительное слово в слусинговых конструкциях не может перемещаться на левую периферию клаузы с помощью фокусного передвижения. Далее мы выдвинули гипотезу, заключающуюся в том, что исследуемый вид эллипсиса образуется с помощью скрэмблинга вопросительного слова на левую периферию зависимой клаузы и эллидирования остальной ее части.

Данные бурятского языка укрепляют нас в предположении, что природа слусинга неоднозначна: различные языки используют различные стратегии образования подобных конструкций. В то же время наша гипотеза схожа с анализом, представленным в [Тоосарвандани 2008], поскольку и мы, и Мазиар Тусарвандани предполагаем, что эллипсис делает факультативное передвижение обязательным. Подобные идеи были представлены и при анализе другого вида клаузного эллипсиса — фрагментных ответов — в работе [Weir 2014]. Это предположение, на наш взгляд, является довольно интересным для теории эллипсиса в целом и,

несомненно, нуждается в дальнейшем теоретическом обосновании и типологическом подтверждении.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккумулятив; COM — комитатив; COMP — комплементаризатор; COND — условное деепричастие; CONV — конверб; CP — проекция комплементаризатора; DAT — датив; E — эллипсис; EPP — принцип расширенной проекции; FC — фокусная частица; GEN — генитив; HAB — хабитуальное причастие; INSTR — инструменталис; NEG — отрицание; NOM — номинатив; PASS — пассив; PFCT — перфективное причастие; PL — множественное число; POSS — поссессив; POT — потенциалис; PRS — настоящее время; PST1 — 1-е прошедшее время; PST2 — 2-е прошедшее время; PTCL — частица; Q1 — вопросительная частица в частном вопросе; Q2 — вопросительная частица в общем вопросе; REFL — рефлексив; SG — единственное число; Spec — спецификатор; TP — предикативная проекция.

Литература

- Татевосов и др. (ред.), в печати — С. Г. Татевосов, А. В. Подобряев, Т. И. Бондаренко и др. (ред.). Элементы бурятского языка в типологическом освещении. Баргузинский диалект. В печати.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Adams 2004 — P. W. Adams. The structure of sluicing in Mandarin Chinese // S. Arunachalam et al. (eds.). Proceedings of the 27th Annual Pennsylvania Linguistics Colloquium. (University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics 10, 1). Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 2004: P. 1–16.
- Bailyn 2003 — J. F. Bailyn. A (purely) derivational approach to Russian scrambling // W. Browne, J.-Y. Kim, B. Partee, R. Rothstein (eds.). Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics 11: The Amherst Meeting, 2002. (Michigan Slavic Materials 48). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2003. P. 41–62.
- Bailyn 2007 — J. F. Bailyn. A derivational approach to microvariation in Slavic binding // R. Compton, M. Goledzinowska, U. Savchenko (eds.). Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics 14: The Toronto Meeting, 2006. (Michigan Slavic Materials 52). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2007. P. 25–41.

- Bondarenko 2017 — Т. Bondarenko. ECM in Buryat and the optionality of movement // E. Koulidobrova, M. Ciscel, L. Zidani-Eroğlu (eds.). Proceedings of the 12th Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFL12), 2016. (MIT Working Papers in Linguistics 83). Cambridge: MIT Press, 2017. P. 31–42.
- Cinque 1999 — G. Cinque. Adverbs and Functional Heads: A Cross-Linguistic Perspective. S. 1.: Oxford University Press on Demand, 1999.
- Grewendorf, Sabel 1999 — G. Grewendorf, J. Sabel. Scrambling in German and Japanese: Adjunction versus multiple specifiers // *Natural Language and Linguistic Theory*. 1999. № 17. P. 1–65.
- Gribanova, Manneta 2016 — V. Gribanova, E. Manetta. Ellipsis in wh-in-situ languages: Deriving apparent sluicing in Hindi-Urdu and Uzbek // *Linguistic Inquiry*. 2016. Vol. 47. № 4. P. 631–668.
- Ince 2009 — A. Ince. Dimensions of ellipsis: Investigations in Turkish. Doctoral Thesis. University of Maryland, College Park, MD, 2009.
- Ince 2012 — A. Ince. Sluicing in Turkish // J. Merchant, A. Simpson (eds.). *Sluicing: Cross-Linguistic Perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 248–269.
- Kawamura 2004 — T. Kawamura. A feature-checking analysis of Japanese scrambling // *Journal of Linguistics*. 2004. Vol. 40. № 1. P. 45–68.
- Kidwai 2000 — A. Kidwai. XP-adjunction in Universal Grammar: Scrambling and Binding in Hindi-Urdu. (Oxford Studies in Comparative Syntax). Oxford; New York: Oxford University Press, 2000.
- Merchant 1998 — J. Merchant. “Pseudosluicing”: Elliptical clefts in Japanese and English // A. Alexiadou, N. Fuhrhop, P. Law, U. Kleinhenz (eds.). *ZAS Papers in Linguistics*. 1998. № 10. P. 88–112.
- Merchant 2001 — J. Merchant. *The Syntax of Silence: Sluicing, Islands, and the Theory of Ellipsis*. (Oxford Studies in Theoretical Linguistics 1). Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Merchant, Simpson (eds.) 2012 — J. Merchant, A. Simpson (eds.). *Sluicing: Cross-Linguistic Perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Miyagawa 1997 — S. Miyagawa. Against optional scrambling // *Linguistic Inquiry*. 1997. Vol. 28. № 1. P. 1–25.
- Miyagawa 2001 — S. Miyagawa. EPP, scrambling, and wh-in-situ // M. Kenstowicz (ed.). *Ken Hale: A Life in Language*. (Current Studies in Linguistics 36). Cambridge, MA; London: MIT Press, 2001. P. 293–338.
- Rizzi 1997 — L. Rizzi. The fine structure of the left periphery // L. Haegeman (ed.). *Elements of Grammar: Handbook of Generative Syntax*. (Kluwer

- International Handbooks of Linguistics 1). Amsterdam: Kluwer, 1997. P. 281–337.
- Ross 1967 — J. R. Ross. Constraints on variables in syntax. Doctoral Thesis. Massachusetts Institute of Technology, Bloomington, IN, 1967.
- Saito 2003 — M. Saito. A derivational approach to the interpretation of scrambling chains // *Lingua*. 2003. Vol. 113. P. 481–518.
- Sakamoto 2012 — Y. Sakamoto. A study of sluicing and cleft in Mongolian: A comparison with Japanese. MA Thesis. Tohoku University, Sendai, 2012.
- Şener 2013 — S. Şener. “Sluicing” without movement // U. Ozge (ed.). Proceedings of the 8th Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFL8). (MIT Working Papers in Linguistics 67). Cambridge, MA: MIT Press, 2013. P. 311–324.
- Takahashi 1993 — D. Takahashi. Movement of wh-phrases in Japanese // *Natural Language & Linguistic Theory*. 1993. Vol. 11. № 4. P. 655–678.
- Takahashi 1994 — D. Takahashi. Sluicing in Japanese // *Journal of East Asian Linguistics*. 1994. Vol. 3. № 3. P. 265–300.
- Toosarvandani 2008 — M. Toosarvandani. Wh-movement and the syntax of sluicing // *Journal of Linguistics*. 2008. Vol. 44. № 3. P. 677–722.
- van Craenenbroeck 2012 — J. van Craenenbroeck. How do you sluice when there is more than one CP? // J. Merchant, A. Simpson (eds.). *Sluicing: Cross-Linguistic Perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 40–67.
- Weir 2014 — A. Weir. Fragments and clausal ellipsis. Doctoral Thesis. University of Massachusetts, Amherst, MA, 2014.

References

- Adams 2004 — P. W. Adams. The structure of sluicing in Mandarin Chinese. S. Arunachalam et al. (eds.). *Proceedings of the 27th Annual Pennsylvania Linguistics Colloquium*. (University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics 10, 1). Philadelphia, PA: University of Pennsylvania, 2004. P. 1–16.
- Bailyn 2003 — J. F. Bailyn. A (purely) derivational approach to Russian scrambling. W. Browne, J.-Y. Kim, B. Partee, R. Rothstein (eds.). *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics 11: The Amherst Meeting, 2002*. (Michigan Slavic Materials 48). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2003. P. 41–62.

- Bailyn 2007 — J. F. Bailyn. A derivational approach to microvariation in Slavic binding. R. Compton, M. Goledzinowska, U. Savchenko (eds.). *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics 14: The Toronto Meeting, 2006*. (Michigan Slavic Materials 52). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2007. P. 25–41.
- Bondarenko 2017 — T. Bondarenko. ECM in Buryat and the optionality of movement. E. Koulidobrova, M. Ciscel, L. Zidani-Eroğlu (eds.). *Proceedings of the 12th Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFL12), 2016*. (MIT Working Papers in Linguistics 83). Cambridge: MIT Press, 2017. P. 31–42.
- Cinque 1999 — G. Cinque. *Adverbs and Functional Heads: A Cross-Linguistic Perspective*. S. 1.: Oxford University Press on Demand, 1999.
- Grewendorf, Sabel 1999 — G. Grewendorf, J. Sabel. Scrambling in German and Japanese: Adjunction versus multiple specifiers. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1999. No. 17. P. 1–65.
- Gribanova, Manneta 2016 — V. Gribanova, E. Manetta. Ellipsis in wh-in-situ languages: Deriving apparent sluicing in Hindi-Urdu and Uzbek. *Linguistic Inquiry*. 2016. Vol. 47. No. 4. P. 631–668.
- Ince 2009 — A. Ince. *Dimensions of ellipsis: Investigations in Turkish*. Doctoral Thesis. University of Maryland, College Park, MD, 2009.
- Ince 2012 — A. Ince. Sluicing in Turkish. J. Merchant, A. Simpson (eds.). *Sluicing: Cross-Linguistic Perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 248–269.
- Kawamura 2004 — T. Kawamura. A feature-checking analysis of Japanese scrambling. *Journal of Linguistics*. 2004. Vol. 40. No. 1. P. 45–68.
- Kidwai 2000 — A. Kidwai. *XP-adjunction in Universal Grammar: Scrambling and Binding in Hindi-Urdu*. (Oxford Studies in Comparative Syntax). Oxford; New York: Oxford University Press, 2000.
- Merchant 1998 — J. Merchant. “Pseudosluicing”: Elliptical clefts in Japanese and English. A. Alexiadou, N. Fuhrhop, P. Law, U. Kleinhenz (eds.). *ZAS Papers in Linguistics*. 1998. No. 10. P. 88–112.
- Merchant 2001 — J. Merchant. *The Syntax of Silence: Sluicing, Islands, and the Theory of Ellipsis*. (Oxford Studies in Theoretical Linguistics 1). Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Merchant, Simpson (eds.) 2012 — J. Merchant, A. Simpson (eds.). *Sluicing: Cross-Linguistic Perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Miyagawa 1997 — S. Miyagawa. Against optional scrambling. *Linguistic Inquiry*. 1997. Vol. 28. No. 1. P. 1–25.

- Miyagawa 2001 — S. Miyagawa. EPP, scrambling, and wh-in-situ. M. Kenstowicz (ed.). *Ken Hale: A Life in Language*. (Current Studies in Linguistics 36). Cambridge, MA; London: MIT Press, 2001. P. 293–338.
- Rizzi 1997 — L. Rizzi. The fine structure of the left periphery. L. Haegeman (ed.). *Elements of Grammar: Handbook of Generative Syntax*. (Kluwer International Handbooks of Linguistics 1). Amsterdam: Kluwer, 1997. P. 281–337.
- Ross 1967 — J. R. Ross. Constraints on variables in syntax. Doctoral Thesis. Massachusetts Institute of Technology, Bloomington, IN, 1967.
- Saito 2003 — M. Saito. A derivational approach to the interpretation of scrambling chains. *Lingua*. 2003. No. 113. P. 481–518.
- Sakamoto 2012 — Y. Sakamoto. A study of sluicing and cleft in Mongolian: A comparison with Japanese. MA Thesis. Tohoku University, Sendai, 2012.
- Şener 2013 — S. Şener. “Sluicing” without movement. U. Ozge (ed.). *Proceedings of the 8th Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFL8)*. (MIT Working Papers in Linguistics 67). Cambridge, MA: MIT Press, 2013. P. 311–324.
- Takahashi 1993 — D. Takahashi. Movement of wh-phrases in Japanese. *Natural Language & Linguistic Theory*. 1993. Vol. 11. No. 4. P. 655–678.
- Takahashi 1994 — D. Takahashi. Sluicing in Japanese. *Journal of East Asian Linguistics*. 1994. Vol. 3. No. 3. P. 265–300.
- Tatevosov et. al., in print — S. G. Tatevosov, A. V. Podobryayev, T. I. Bondarenko et al. (eds.). *Elementy buryatskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii. Barguzinskiy dialekt [Elements of the Buryat Language in Typological Perspective. Barguzin Dialect]*. In print.
- Testelets 2001 — Ya. G. Testelets. *Vvedeniye v obshchiy sintaksis [Introduction to General Syntax]*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2001.
- Toosarvandani 2008 — M. Toosarvandani. Wh-movement and the syntax of sluicing. *Journal of Linguistics*. 2008. Vol. 44. No. 3. P. 677–722.
- van Craenenbroeck 2012 — J. van Craenenbroeck. How do you sluice when there is more than one CP? J. Merchant, A. Simpson (eds.). *Sluicing: Cross-Linguistic Perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 40–67.
- Weir 2014 — A. Weir. Fragments and clausal ellipsis. Doctoral Thesis. University of Massachusetts, Amherst, MA, 2014.